

Если власть скажет: «Фас!»

Историческая память, направленная на выборочное прошлое, не упреждает новых политических преступлений

В МАГНИТОГОРСКЕ Геннадий Васильев составляет книгу памяти жертв политических репрессий, чтобы больше не повторилось ничего подобного. Об этом действительно забывать нельзя.

Репрессии затронули и нашу семью. Деда и бабушку моего зятя раскулачили. За что? Какие-то конники гражданской войны поменялись с ними: дали раненого боевого коня за здоровую крестьянскую лошадь. Конь выздоровел и был гордостью нового хозяина. Отдать эту гордость в колхоз дед ни за что не хотел. За это и раскулачили, хотя другого «богатства» у него кот наплакал. Так семья и оказалась в Магнитогорске.

В девяностые дядя моего зятя завещал все имущество племяннику. После смерти старика зять имущество продал, деньги отдал на хранение в сберкассу и встал в очередь на автомашину. Государственные реформы превратили его вклад в стоимость двух литров водки «Рояль». Зять меня спрашивает:

— У деда и дядки имущество было примерно одинаковое. У того лошадь и у этого после продажи всего добра хватало на одну единицу транспорта. Накрылось то и другое. В чем разница?

— А в том, — отвечаю, — что у твоего деда не только отобрали дом и скот. Его еще и со всей семьей под конвоем привезли в Магнитогорск и заставили строить на средства, у него же и отнятые. А когда через сберкассу раскулачили тебя, то не было конвоя и принудительной работы. И деньги, которые у тебя грабнули, пошли не на строительство «новой Магнитки» или какого-нибудь амурского электронного завода, а на скупку березовскими королевских замков за границей.

Был у нас на работе потомок раскулаченных. Поскольку то, что я расскажу, — не документ, а только мои рассуждения, не назову его фа-

КОЛАЖ > КСЕНИЯ СЕРГЕЕВА

мили. Пусть будет Синельников. Он рассказывал, как уже после войны приехал с дядей в родную деревню. На улице дядя встретил того, кто его раскулачивал. Задним числом «поговорили»... В завершение дядя сказал: «Мы, Синельниковы, как тогда ходили в хромовых сапогах и дубленках, так и сейчас ходим. А ты как был подпоясан веревкой, так и сегодня ходишь». Смекаете?

По рассказам матери, я потомок полураскулаченного деда-пимоката. В двенадцатом году в курганскую деревню Малютино приехали казаки из акмолинской станицы Сандыктав и уговорили деда переселиться к ним: нужен был пимокат. Помогли переехать: всей станицей приехали, раскатали дедов дом на бревна и перевезли на бричке — а на месте уже ждал фундамент, так что быстро сложили дом заново. Спрос на пимы

был велик, дед даже нанимал работников. В голодном двадцать первом семья обнищала, но дети подросли и сами стали подмастерьями. Моя мать гордилась, что тоже владела ремеслом. Пережили голод, и к двадцать восьмому ни по каким меркам под раскулачивание семья уже не подходила. Но деду припомнили, что когда-то у него были батраки, и отобрали инструмент. После этого дед всех заказчиков направлял к раскулачивателю, только тот пимы катать не умел. Понятно, почему мать всю жизнь неодобрительно относилась к раскулачиванию.

У отца было по-другому. В голодовку двадцать первого года многодетная семья его отца из двенадцати человек тоже обнищала. Дед пристроил моего отца — ему было четырнадцать — к бездетному зажиточному брату работником. Не

сказать, чтобы парнишке там было хорошо: отец с обидой отзывался о дядюшке, но детали я запомнил. Помню только, что отец собирался бежать. Зимой не решился, чтобы не замерзнуть в дороге. Хотел дождаться до мартовского мокрого снега: днем бежать не холодно, а ночевать можно в навозных кучах у деревень — в них тепло. Так и сделал, только немного просчитался со сроками и последние километры до своей деревни шел по колено в мокром снегу, а овраги переходил по груди в воде. Думал только об одном: хватило бы сил добраться до навозной кучи. Добрался. Там его без памяти и нашли утром. Как он после такой семейной истории мог относиться к раскулачиванию сельских богатеев? В отличие от матери, равнодушно.

Я вот к чему веду. Как-то уже при Горбачеве среди мужиков зашел недоуменный разговор: как удалось Сталину натравить крестьян на кулаков? Стали перечислять знакомых

раскулаченных — нормальные люди, с чего на них озлился? На это один из мужиков сказал:

— Мы все знаем Синельникова. Мужик, как все: пока не засветит выгода. А как она его поманит — он всех локтями ототрет. Теперь представьте, что во времена НЭПа Синельниковы взяли в деревне верх, а через пять лет власть на них укажет: «Фас!» Как поступит деревня?

— У-у-у-у!!! — было дружным ответом.

— А дальше, как сказал товарищ Сталин, лес рубят — щепки летят. Только топорами махали свои же, деревенские.

Да, не получилось бы у Сталина так результативно натравить деревню на кулаков, если бы не было так много таких, как дядя моего отца. На них строили образ кулака-миродея.

Не получилось бы у Валерии Новодворской так очернить всех коммунистов подряд, если бы народу не обрыдла затянущаяся игра в ладушки с выжившими из ума генсеками. Не удалось бы Ельцину выбить власть у Горбачева, если бы тот сам не наделал ошибок.

Очень благороден порыв не оставлять в забвении ни одного имени пострадавших в политических репрессиях. А как быть со списками пострадавших в мафиозных разборках? Молодые, крепкие, отчаянные, тренированные, они в других условиях могли бы пополнить списки Героев Советского Союза. Но их зашорили алчностью. И если списки пострадавших от политических репрессий пополняются поднятными из забвенья именами, то армия пострадавших от мафиозных разборок пополняется трупами. И никто не публикует фамилий. А тоже надо бы — для упреждения новых преступлений.

Вот об этом забывать нельзя. Без этого продолжения удлинение списков пострадавших от раскулачивания — не больше, чем цветочки на могилах, которые ничего не упреждают.

ЮРИЙ ДАНИЛОВ, пенсионер

«Из гранатомета — шлеп его, козла!»

Почему заживо сгорают на дискотеках молодежь, а поезда идут под откос?

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ: кому сладок арбуз, кому — свиной хрящик. Я говорю о литературе, точнее — современной российской литературе детективного жанра.

Я вырос в левобережном Ново-Коммунальном поселке. Здесь, на завалинках и лавочках, в начале шестидесятых годов собирались товарищи и друзья моего детства — первое послевоенное поколение: Шурка, Бала, Вовка по прозвищу Швед, Вовка Шрамко, Валька Рыков... Они постарше меня лет на семь-восемь, но безоговорочно приняли меня в свой круг.

По вечерам на лавочке у «штаб-квартиры» по улице Фурманова, 114, они травили бесчисленные байки о сыщиках, майоре Пронине, вурдалаках-вампирах. Тогда это читала вся молодежь, и «проглатывалась», естественно, легкая детективная литература. Нас тянуло к приключениям и подвигам, экзотике южных морей и пиратам. Зачитывались Майн Ридом и Фенимором Купером, которых «доставали» на толкучке Базарной горы одиннадцатого участка от рубля до трешки за штуку. По рукам, точнее по карманам, ходила миниатюрная «Библиотечка военных приключений». Она и сейчас передо мной на полке, без начала и конца, но любовно переплетенная в немислимые обложки.

Однажды мой ученик Марсель подарил любимую книгу отца «Над Тиссой», «одетую» в переплет... материалов какого-то съезда партии. О популярности «мэтра шпионского романа» магнитогорца Александра Авдеенко и говорить не приходилось. Помню, его «Дунайские ноги» печатала даже газета «Пионерская правда», и мы вырезали главы этого романа из номера в номер и бережно хранили их.

Во второй половине шестидесятых стало выходить самое читабельное издание номерных «Подвигов» — приложение к журналу «Сельская молодежь». Задуманный как героико-патриотический, «Подвиг» отвечал самым разнообразным интересам: «Репортаж с петлей на шее» Фучика, «Земля, до востребования» магнитогорского автора Воробьева, «Зеленый фургон» Козачинского, «Донские рассказы» Шолохова...

По-разному сложились судьбы моих товарищей по завалинке, но всех нас объединяла и объединяет любовь к книге. Встречаю Шурку, ныне заслуженного строителя страны Александра Сиротина. Он по-прежнему читает запоем, только стал отдавать предпочтение исторической литературе.

Изменились время, общество, новое значение приобретает само понятие подвига. Теперь, как говорил Антон Чехов, нужны новые формы.

Каковы же они — эти герои и подвиги героев нашего времени?

Сама редакция когда-то моего любимого «Подвига» честно предупреждает: «Хоть на страницах нашего издания часто стреляют и дерутся, решение проблем таким образом — опасно для здоровья. Прислушайтесь к иронии поэта:

На рассвете века взял и ниспроверг злого человека добрый человек. Из гранатомета — шлеп его, козла! Все-таки добро-то посильнее зла!

Думается, что здесь речь, разумеется, идет о «дobre с кулаками», явно несовместимом понятии.

Итак, проанализирую отдельные номера нынешнего издания «Подвига» за последние пять лет. Выборочно назову самые кричащие из них: «Исход зверя», «Любовь сексота», «Похмелье», «Если вас вчера повесили», «Дурашка»... Кровь, мафиозные разборки, тупые солдафоны с офицерскими погонами, банды малолеток, женские гладиаторские бои. Короче, «Подвиг» отягивается по полной программе, и героизм романтики явно отдыхает. Замечу, что роман Андрея Дышева с клубничкой и ненормативной лексикой стал победителем всероссийского конкурса «Спасибо тебе, солдат!», организованного партией «Единая Россия».

Фаблы таких детективщиков до idiotизма

изошренно-неповторимы. Пр процитирую самые примечательные: «Старый охотник находит в лесу повешенного вниз головой человека, а вместе с ним и проблемы для мафиозного клана» — это из повести Свиридова «Если вас вчера повесили». Или вот: «В частной школе невест происходит двойное убийство. На чем же замкнутся все нити расследования? На женских гладиаторских боях? На китайской диаспоре? Или на семействе ветреного олигарха» — «Тени грехов» Вадченко. И на закуску: «Типичная непруха риэлтера — впарить то, что впаривать нельзя было, и попасть на деньги... Заветный, несправедливо проданный дом настаивает и через года. Сонм населивших его малолетко-гладиаторов становится кошмаром виновника сделки» — «Бумеранг» Меньшикова.

Парадокс, но эти «Подвиги» нашли своего читателя — они востребованы средним и старшим поколениями. Видимо, они пытаются разобраться с тем, что происходит в нашем больном обществе: почему заживо сгорают на дискотеках молодежь и идут под откос мирные поезда?

«А король-то голый!» — вспоминается крылатая фраза, как и комментарий Николая Озерова: «Такой хоккей нам не нужен!» Только теперь они применительны к легковесности детективного жанра, «Подвига», развращающего читателя.

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ, краевед

Раскулачивали наш народ дважды: в коллективизацию и в девяностые годы реформ